

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-82-95

УДК 929(470.344)
ББК 63.3(2Рос. Чув.)-8

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

ПЕТР ПАЗУХИН: ПЕДАГОГ, ФОЛЬКЛОРИСТ, ОФИЦЕР, ПАТРИОТ

Ключевые слова: *Петр Васильевич Пазухин, педагог, собиратель текстов чувашского устного народного творчества, царская армия, Николай Васильевич Никольский, переписка.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что в апреле 2024 г. исполнилось 135 лет со дня рождения педагога, собирателя фольклора, составителя одного из первых сборников чувашских народных песен, офицера царской армии П.В. Пазухина. Его жизнь и деятельность в советский период освещена во многих публикациях, однако в некоторых из них немало явных ошибок, мифов (или легенд) в угоду идеологическим пристрастиям. В постсоветское время не появилось объективных исследований.

Цель исследования – проследить некоторые этапы жизненного пути П.В. Пазухина на основе достоверных документов.

Материалы и методы. Основой исследования послужили опубликованные в различных изданиях материалы о П.В. Пазухине, а также вновь выявленные документы, хранящиеся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Использовались принципы историзма, объективности и системности, методы исследования: фактологический, описательный, аналитический, проблемно-хронологический.

Результаты исследования. Среди работ о П.В. Пазухине доминируют статьи журналистов и внештатных корреспондентов чувашских периодических печатных изданий, которые зачастую вольно интерпретируют некоторые факты, а из профессионалов можно отметить лишь небольшой фрагмент из обзорного материала музыкаоведа и композитора Ф.П. Павлова о сборнике П.В. Пазухина (1926 г.) и газетную статью известного чувашского фольклориста Г. Юмарта к очередной юбилейной дате, которые высоко оценивают деятельность музыкального фольклориста. В нашей статье не рассматриваются тексты песен, так как это удел фольклористов. Нами выявлены неточности и явные ошибки в освещении жизнеописания П.В. Пазухина. Так, доказано, что Петр Васильевич был убежденным сторонником прогрессивных преобразований в жизни родного народа, но никогда не занимался революционной деятельностью. Он не был фронтовиком во весь период службы в армии, как об этом пишут некоторые авторы, а обучал новобранцев в тылу. Кроме того, сам учился в школе прапорщиков, лишь в конце весны 1917 г. добровольно ушел «на позиции», как тогда называли фронт. В течение 1914–1917 гг. не раз находился в отпуске, в частности, проживал в Симбирске и, соответственно, навещал родню в деревне Полевое Чекурowo Буинского уезда Симбирской губернии.

Выводы. Большинство опубликованных материалов о П.В. Пазухине носят субъективный характер с ясно выраженными идеологическими штампами советского периода. Поэтому в данной статье предпринята попытка объективного исследования жизни и деятельности педагога, одного из первых чувашских музыкальных фольклористов, офицера царской армии. Впервые введены в научный оборот материалы из Рукописного фонда профессора Н.В. Никольского и других фондов Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Введение. Петр Васильевич Пазухин – выпускник Симбирской чувашской учительской школы. С 1909 по 1914 г. работал в народных училищах Ядринского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. Дружил с автором поэмы

«Нарспи» К.В. Ивановым, будущим музыковедом и композитором Ф.П. Павловым, известными чувашскими лингвистами Т.М. Матвеевым и Ф.Т. Тимофеевым, которые посодействовали ему в сборе материалов для сборника «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть» (1912 г.) (далее – Образцы мотивов...) [10]. Книга была реализована в самые короткие сроки и прославила имя собирателя. Петр Васильевич, как и многие его соратники в деле просвещения соплеменников, был сторонником прогрессивных реформ в системе образования, но не был революционером, кем пытались выставить его некоторые авторы публикаций. После призыва на действительную военную службу он сначала проходил обучение, затем сам обучал новобранцев, по прохождении ускоренных курсов в школе прапорщиков в Петергофе был отправлен на фронт, чему он, истинный патриот Отечества, был чрезвычайно рад: «Счастлив, что вырвался из тыла, а то что за военный, не побывавший на войне?» [8. С. 420]. В июле 1917 г. погиб в одном из сражений на карпатских горах.

Петр Васильевич Пазухин более известен как «музыкальный фольклорист и учитель» [2. С. 361]. Имя его сохранилось в памяти народной наряду с именами других достойных представителей дореволюционной чувашской интеллигенции. Периодически о нем рассказывается в газетных и журнальных статьях, ему посвящают радио- и телепередачи. Однако в них повторяются, по сути, одни и те же шаблонные фразы, воспроизводятся одни и те же неточности. Приходится констатировать, что и биография П.В. Пазухина, и его деятельность в просвещении соплеменников, и его сборник «Образцы мотивов ...») до сих пор остаются слабо изученными.

Цель данной статьи – подвергнуть критическому анализу некоторые периоды жизненного пути П.В. Пазухина на основе достоверных документов. Часть их впервые вводится в научный оборот, например дневниковые записи в тот период приват-доцента Казанского университета Н.В. Никольского и письма к нему офицера П.В. Пазухина, воспоминания его старшей сестры.

Материалы и методы. В основе исследования – опубликованные материалы, посвященные выпускнику Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ), учителю начальных училищ в Ядринском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии и офицеру царской армии в годы Первой мировой войны, собирателю чувашских песен в разных этнографических группах соплеменников П.В. Пазухину, а также воспоминания его родственников, односельчан и коллег. Научная новизна данной работы состоит в том, что в ходе подробного анализа известных публикаций автор использовал неопубликованные письма П.В. Пазухина к Н.В. Никольскому, хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ИА ЧГИГН). Среди вновь выявленных документов – воспоминания старшей сестры Петра Васильевича Марии Васильевны Урмаковой, по-деревенски Малля (в девичестве Федоровой), вышедшей замуж в д. Балабаш-Нурсово Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Батыревского муниципального округа Чувашии). Их приводит в письме к народному писателю Чувашской АССР А.С. Артемьеву журналист Комсомольской районной газеты, уроженец деревни Балабаш-Нурсово П. Печников (поэтический псевдоним Петёр Эревет). В ходе работы было выявлено, что Петр Васильевич в годы учительства фамилию Федоров (по деду) поменял на родовую, языческую фамилию Пасухха – Пазухин [9. С. 39]. Фактологическим методом обобщены результаты анализа довольно большого пласта источников,

непосредственно относящихся к жизни и деятельности П.В. Пазухина; описательный метод был применен для первичного анализа выявленных источников и их характеристики; аналитический метод позволил более глубоко познать чередование разных событий, объективно оценить функционирование административных структур в рассматриваемый в исследовании период, например их роль в «гонениях» П.В. Пазухина за «революционную деятельность», «задержание цензурой» его сборника; посредством проблемно-хронологического метода установлен детерминированный временной ряд в биографии педагога.

Результаты исследования. Илья Тукташ в предисловии к своей хрестоматии «Чăваш фольклорĕ» [Чувашский фольклор] называет П.В. Пазухина автором чувашских песен наряду с Ф.П. Павловым [17. С. 11], между тем чувашским музыковедам неизвестен Пазухин-композитор, он собиратель текстов устного народного творчества. Некоторые моменты в его биографии приоткрыл А.И. Иванов-Ехвет. Например, в числе тех, кто помогал П.В. Пазухину в сборе текстов для «Образцов мотивов...», был автор поэмы «Нарспи» К.В. Иванов, преподнесший другу четыре мелодии с текстами из Белебеевского уезда Уфимской губернии. Константин Васильевич, учитель рисования СЧУШ, к тому же являлся будто бы редактором «Образцов мотивов...», к которому 17 ноября 1912 г. обращался Петр Васильевич: «Что ничего не пишешь? Ведь я жду, Бог знает, как! Пожалуйста, напиши, но только скорее. Как обстоят дела? Что мне делать? Где песни?» Повод для переживаний был более чем серьезный. Как отмечает А. Иванов-Ехвет, «книга была задержана цензурой и поступила в продажу лишь в 1914 г.» [1. С. 247].

Являлся ли редактором сборника К.В. Иванов? Об этом факте не находим сведений ни в одном источнике. Возможно, Петр Васильевич в ожидании тиража книги лишь обращался так страстно к своему другу.

Цензурой ли задержана? Автор не приводит фактов. Однако своей статье он дает более чем красноречивое название: «Подвиг гонимого учителя».

Да, «труд его был подвигом и гражданским, и ученого-фольклориста», ведь П.В. Пазухин выпустил книгу в сложное время, притом на свои деньги. Но были ли «годы гонений»? Если бы дело обстояло так, то он не смог бы свободно реализовать тираж книги за короткое время. Односельчанин и друг П.В. Пазухина вспоминал, что он по просьбе фольклориста помогал ему продавать книги, за час-другой на базаре было распродано свыше ста книг [18. С. 88]. Действительно ли П.В. Пазухин преследовался «не только ведомственной администрацией, но и полицией, часто пребывал на грани ареста и суда?» [1. С. 248]. Насчет этого А. Иванов-Ехвет не располагает ни одним фактом. Этот же автор публикует воспоминания его односельчанина: «Петра Васильевича часто можно было видеть в народе. Вместе с ним он пел, плясал, искусно играл на скрипке, полюбившиеся песни записывал». А. Иванов-Ехвет указывает даже источник этих фраз: «НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 265» [1. С. 248]. Однако в этом томе НА ЧГИГН нами не найден этот текст, хранится лишь письмо П.В. Пазухина к Н.В. Никольскому, к которому мы обратимся чуть позже.

В советское время авторы биографических статей об известных деятелях национальной культуры дореволюционного периода зачастую пытались превращать своих героев в борцов против царского режима, выставляли их революционерами. Но навряд ли «революционеру» П.В. Пазухину разрешили бы выпустить столь солидную книгу – 110 страниц, 98 песен. В одной статье читаем:

«С сентября 1911 г. Пазухин начал работать в Моргаушах заведующим училищем... Активно распространяет революционную литературу, из-за чего попадает под надзор жандармов. ...Осенью 1914 г. сельский учитель был призван в царскую армию. И здесь он выступает активным агитатором. Командир 178-го пехотного запасного батальона запрашивает у Казанского губернатора сведения о политической благонадежности рядового П.В. Пазухина. На что тот сообщает, что в 1912 г. Козьмодемьянской уездной полицией велось расследование по поводу распространения Пазухиным среди чуваш брошюр «противопротестного содержания» [14. С. 8].

Здесь возникает несколько вопросов: каким училищем заведовал П.В. Пазухин? Имеются ли доказательства того, что будущий офицер стал «активным агитатором?» Конкретно какую литературу распространял? Первая мировая война началась 28 июля 1914 г. П.В. Пазухин был мобилизован не осенью, а в начале августа 1914 г.

Для того чтобы убедить читателя в том, что П.В. Пазухин революционер, автор использовал документ, хранящийся в Центральном государственном архиве Татарской АССР под названием «Дело по заявлению учителя Моргаушского Козьмодемьянского уезда земского училища Якима Никифорова о вредном направлении другого учителя этого же училища Петра Васильева Пазухина». К слову, Я. Никифоров – предшественник П.В. Пазухина в должности заведующего. Соответственно, исправник Козьмодемьянского уезда Валетов проинформировал Казанского губернатора о том, что у П.В. Пазухина нашли номера «Чăваш календарё» [Чувашский календарь] за 1906 и 1907 гг., брошюры «Земство синчен» [О земстве] и «Автономи тата Раççей пёрлехё» [Автономия и единство России] ядринского предпринимателя З.М. Таланцева. Губернатор поручил жандармскому управлению проверить моргаушского учителя на предмет «неблагонадежности» [15. С. 3]. Но автор статьи то ли намеренно, то ли от незнания упустил важную деталь: вышеназванные издания распространялись совершенно легально, то есть с разрешения цензуры. «Революционность» их заключалась лишь в том, что календари были выпущены не совсем благонадежным издателем-редактором газеты «Хыпар» Н.В. Никольским, а брошюры были переведены на чувашский язык «хыпаровцами» и изданы «Хыпаром». Проверка доноса обиженного учителя Я. Никифорова завершилась ничем. Без преувеличения можно сказать, что аналогичным проверкам подвергалось абсолютное большинство чувашских учителей. По поводу и без... Так всех их включить в число революционеров? Петр Васильевич остался в должности, вскоре сдал в симбирскую типографию «Сидневой и К^о» рукопись «Образцов мотивов...». И еще. Если бы П.В. Пазухин подвергался гонениям, то сразу же после революции он, безусловно, был бы упомянут в числе борцов против царизма, этот факт непременно был бы приведен в некрологе, опубликованном в «Хыпаре».

Петр Васильевич с 1909 по 1914 г. работал в Аликовском, Моргаушском и Орабакасинском земских училищах Ядринского уезда [2. С. 361], из-за принципиальности будто бы не мог найти общего языка с местными законоучителями (священниками). В годы реакции, после подавления первой русской революции, со стороны властей предпринимались попытки запрета обучения в начальных училищах на иностранных языках. Пазухину, как и многим другим, приходилось не только слушать пение школьного хора вместе с хором в церкви, но и дирижировать. А. Иванов-Ехвет приводит воспоминания бывших учеников Петра Васильевича о случае, когда он, искусный регент Аликовской

двухклассной школы, не выдержал фальшивого пения священника, не умевшего подлаживаться к стройному пению хора, и сделал ему дерзкое замечание. Это привело к крайнему ухудшению и без того натянутых отношений между ними и послужило причиной вынужденного ухода опытного педагога из училища. Заметим: вынужденный уход – это не гонения. Архивный документ свидетельствует: «Уменьшение числа обучающихся пению следует объяснить призывом на действительную военную службу учителей», среди которых персонально названо только имя учителя Моргаушского училища регента Пазухина (из отчета Козьмодемьянской уездной управы (с июня 1914 г. по 1 июня 1915. Казань, 1916. С. 94) [1. С. 251]. Разве так характеризовали бы неблагонадежного учителя?

Таким образом, Петр Васильевич не был революционером, но, очевидно, полностью поддерживал прогрессивные преобразования в российском обществе. Первая мировая война выпестовала из него офицера, преданного Родине и присяге. Сотни и сотни представителей революционной интеллигенции (учителя, агрономы, врачи...), с началом войны призванные в армию, в ускоренном режиме обученные и ставшие офицерами, после Февральской революции вполне законно оказывались в запасных полках, чтобы активно участвовать в делах своих партий. Чувашские социалисты-революционеры (эсеры), например будущие депутаты Всероссийского Учредительного собрания С.Н. Николаев, Д.П. Петров и Г.Т. Титов, были приписаны в Симбирске, Г.Ф. Алюнов – в Ярославле, многие – в Казани. Так же мог поступать П.В. Пазухин. Но он выбрал стезю воина...

Еще одна легенда, кочующая из одной статьи в другую: Петр Васильевич сначала якобы работал в Моргаушах, а после крупной ссоры с местным священником, «чтобы замести следы», перешел в Аликовскую школу. Такого не могло быть до революции: вопросы о кадровых перестановках решали попечитель учебного округа совместно с окружным инспектором. Легенда продолжается: будто бы в августе 1914 г. Петр Пазухин приезжает в родную деревню Полевое Чекурово, прощается с больными родителями, со старшей сестрой Малля, с другими родственниками, однодеревенцами. «Это – его последняя встреча с ними. Три года переписывается Петр Пазухин с родней, друзьями и сверстниками, с возлюбленной Лисук» [13. С. 3].

По поводу переписки вопросов не возникает, относительно последней встречи заглянем в безграничный мир (306 томов) рукописного фонда профессора Н.В. Никольского – великого «печальника чувашской нации». (Так называл его в одном из писем к нему еще в феврале 1909 г. один из чувашских просветителей, педагог, переводчик и публицист Д.Ф. Филимонов [4. С. 262].) Н.В. Никольский не вел дневниковых записей в классическом понятии этих слов, то есть в отдельных тетрадях. Вместо этого если не ежедневно, то периодически оставлял записи то на клочке бумаги, то на полях своих рукописных текстов исследований, то вперемешку с записанными им фольклорными образцами и этнографическими материалами. Все это хранится в его рукописном фонде. На одном из пожелтевших листков находим такую запись: «1 июня 1916 г. Пазухин Петр Васильевич. Прапорщик. Часть зимы и весну прожил в Симбирске. Чувашин. Печатал “Песни...” на чувашском языке. Был учителем. Мы избалованы хорошим жалованьем офицера. Едва ли теперь вернется на прежнее учительство и жалованье в 30 р. (ежемесячно)» [5. С. 272].

Понятно, что Николай Васильевич в июне не мог встречаться с Пазухиным. Очевидно, ему о настроениях офицера поведали хорошо знающие его люди, вот

и пришел он к такому грустному выводу: чувашская школа потеряла еще одного педагога. Значит, вчерашний музыкальный фольклорист окончательно выбрал новую «профессию – Родину защищать».

«Часть зимы и весны прожил в Симбирске», значит, был в отпуске, уж точно навещал родню в деревне, в том числе и свою возлюбленную.

Н.В. Никольский переписывался с П.В. Пазухиным и до весны 1916 г., и после отбытия последнего на фронт. Сохранились 3 письма Петра Васильевича.

Письмо 1: «Многоуважаемый Николай Васильевич!

Простите за беспокойство. Хотелось было приехать к Вам в Казань, но мобилизация задержала. Я взят на действительную службу. Пока нас держат, как солдат, в казарме и обучают. Говорят, что из других уездов всех учителей отравили, а из нашего пока только часть. Нас 33 человека учителей. Держат в Козьмодемьянске. Ждут телеграмму об отправке.

Величания (краткое песнопение, прославляющее Иисуса Христа, Богородицу или какого-либо святого; речь, по-видимому, о переводе текстов с русского на чувашский язык. – А.Л.) придется закончить после возвращения. Ну пока идут брошюры (имеется в виду, очевидно, изданный им сборник «Образцы мотивов...». – А.Л.). Если вы успели продать сколько-нибудь, то не сможете ли прислать мне хоть 10 рублей? Деньги весьма нужны. Жалованье пошло на покрытие долгов крестьянскому товариществу. Выехать в армию без денег очень опасно. Кабы не пришлось голодать. Ведь солдатская пища не очень вкусна. Адресуйте в г. Козьмодемьянск, мобилизованному запасному Петру Вас. Пазухину.

Пока желаю всего наилучшего.

С совершенным почтением учитель П. Пазухин.

18 августа 1914 г.» [б. С. 223–225].

Письмо 2: «3 ноября 1916 г.

Уважаемый Николай Васильевич!

Приветствую Вас с берегов хладного моря. Судьба, по-видимому, закинула в Петергофскую школу прапорщиков. Вот уже вторую неделю пребываю здесь. Пока дела только поправляются. Что будет в дальнейшем – не знаю. Обучаюсь военным наукам, но, наверное, это мне так не пройдет, придется подраться с немцами. В феврале выпуск, в конце февраля буду там (т.е. на фронте. – А.Л.). Отсюда больше половины назначаются в действующую армию, а я, как пробывший в батальоне 1,5 года, во всяком случае являюсь одним из первых кандидатов туда. Впрочем, пора и честь знать. Ведь не вернуться же, ничего не выдавши. Стыдно будет явиться домой. Новостей из военного мира я меньше, наверное, знаю, особенно здесь, когда по целым неделям не видим газет. Военный режим в школе, не как в полку. Приходится привыкать ко всему. В школе прапорщиков хотя строго, но положение лучше, чем в полках. И обращение совершенно человеческое. Здесь того пресловутого “ты” не встретишь. По воскресным дням свободно можно ездить в Петроград. Но, к сожаленью, нет там знакомых. А так низших чинов не пускают никуда: ни в чайную, ни в столовую, ни в номера ночевать. Так что без знакомых мало прелести кататься по столице.

Какие у Вас новости? Что нового на [миссионерских] курсах? Не слыхали ли про Симбирскую школу и про ее нового начальника? Нет ли какого изменения относительно родного языка в начальных училищах? Каков округ? А главное, не можете ли вы сообщить адреса Тимофея Матвеева? Я его совсем потерял. Если знаете, то, пожалуйста, не откажитесь сообщить по адресу:

г. Петергоф, 2-я школа прапорщиков, 3-я рота, 3-й взвод, младшему унтер-офицеру П.В. Пазухину.

С совершенным почтением П. Пазухин» [7. С. 203–204].

Письмо 3: «Многоуважаемый Николай Васильевич!

Приветствую Вас с фронта новой России. Наконец-то немного отлегло на душе. Я было совсем в уныние впал после назначения [Николая Константиновича] Кульчицкого министром народного образования [Российской империи], а больше меня Иван Яковлевич [Яковлев]. Старик на старости лет совсем было упал духом. Все говорил, что вот попросит в отставку, вот дело о преобразовании школы будет изъято.

Ну теперь уж совсем хорошо. Теперь надо подумать о своей газете и о букварях в начальных училищах. Нет ли перемен в округе? Как встретили казанцы новое правительство, как в военных сферах?

На фронте мы узнавали все понемногу. Сначала об ответственном министерстве. Еще шутили насчет штатского министра. Потом об отречении Николая II, дальше о подчинении новому правительству. Так что каждый день выходит новый и новый приказ, что принималось без колебаний. Здесь противодействий никаких не было. Все было так хорошо принято, что приходится только удивляться. Уже изменены некоторые ст[атьи] ст[арого] Устава, как-то: титулование (типа «ваше благородие», «ваше высокоблагородие» и т.д. – *А.Л.*), обращение на «ты», запрещение курить на улице, езда на трамвайных площадках, разрешается солдатам ездить в I и II классах поездов и пароходов, бывать в общественном месте. Хотя некоторые нововведения не особенно приятны для старых офицеров, но прогресс и культура в будущем все это сгладит. Хотя нужно было это сначала обсудить с военными. Но это ничего, все пройдет хорошо, лишь бы установился внутренний порядок в России. Немцы на фронте нервничают, по-видимому, чувствуют плохо. Желания у них не исполнились, французы вытесняют их, на турецком тоже неладно. Внутри страны у них тоже идут брожения. Так что, наверное, и мы также легко вытесним их из России. Лишь бы прорвать где-нибудь, а там пойдет свалка. Теперь уже мы возьмем. У нас всего довольно. Может быть, в недалгом будущем Вы прочтете в газете и о наших успехах. К позиционной жизни привыкаю. Уже здесь я второй месяц сижу. Счастлив, что вырвался из тыла, а то что за военный, не побывавший на войне? Ну как Ваши дела по миссионерским курсам?

Привет Вашей супруге.

Адрес: Дейст. армия. 109-й пехотный Волжский полк, 6-я рота.

С почтением прапор[щик] Пазухин» [8. С. 417–420].

В письме дата не указана. Достоверно можно полагать, что оно отправлено в первые месяцы после Февральской революции 1917 г.

В июне 1916 г. Н.В. Никольский оставил запись, характеризующую воинво-соплеменников периода Первой мировой войны: «Перед Пасхой (которая была 10 апреля) [я] был в Симбирском офицерском собрании. С позиций был один офицер, который очень благодарил Ивана Яковлевича Яковлева, инспектора Симбирской чувашской учительской школы за чуваш-солдат.

В своей речи перед офицерами боевой офицер, между прочим, коснулся чуваш армии. Сам он из 97-го полка. Про чуваш (точно передаю) он выразился так: “солдаты-чуваша презируют смерть”, “легко переносят тягости и лишения – голод, холод”, “послушны”, “патриотичны”. Это “лучшие боевые силы”, “героизму, патриотизму их нет конца”, “в вылазах чрезвычайно незаменимы”.

Исключительно чувашские батальоны Спасский и Чебоксарский. В германских газетах были сводки: “В армии русских явились дикари какие-то: лезут на какие угодно высоты”» [5. С. 272].

Сохранились ли письма П.В. Пазухина к другим известным людям из среды чувашской интеллигенции или к родственникам? Увы, авторы предыдущих многочисленных статей этот факт умалчивают. Родной дом его в деревне сгорел с его рукописями и библиотекой, в пепел обратились 300 народных песен с нотами, переплетенные в две толстые книги [1. С. 252].

Приведем еще один материал. Некий «Т.Х.» в газете «Хыпар» от 9 (по новому стилю 22) октября 1917 г. опубликовал некролог под названием «Петр Васильевич Пазухин»: «9 июля (по новому стилю 22 июля. – А.Л.) [1917 г.] на позициях во время сражения с врагами погиб офицер по имени Петр Васильевич Пазухин. Петр Васильевич – чуваш из [села] Арабуси Буинского уезда (ныне с. Первомайское Батыревского муниципального округа. Здесь у автора неточность: Пазухин – уроженец деревни Полевое Чекурово, в соседних Арабусях он учился в двухклассном училище. – А.Л.). Он в 1909 г. окончил Симбирскую чувашскую школу, в том же году стал работать учителем. Один год жил и преподавал в школе с. Аликово Ядринского уезда, следующие годы учительствовал в с. Моргауши Козьмодемьянского уезда. Петр Васильевич обучал детей весьма хорошо и понятным всем языком, больше всего он их учил петь песни. С началом войны Петра Васильевича призвали в солдаты, там он вышел в офицеры. Когда он стал офицером, его оставили в тылу, так как он преуспел в обучении новобранцев. Но Петр Васильевич, полагая, что негоже и неприлично офицеру находиться вдалеке от военных действий, ушел добровольно на фронт. Там он сражался с врагами и погиб за мирную жизнь народа.

Когда я услышал весть о гибели П.В., душа моя сильно скорбела. П.В. был учителем, любящим чувашей, деятелем, радеющим за чуваш.

Вспомнились предвоенные годы. Когда мы с товарищами встречались в гостях или по делам, начинали вести разговоры о “чувашском деле”. В то время надзирающие за школьной работой казанские чиновники очень даже ненавидели образованных чувашей, говорили, что никому не нужны чувашский язык и чувашская книга. Чтобы чуваша не обучались, умышленно не направляли учителей в Симбирскую чувашскую школу. Предпринимали оголтелые нападки на Ивана Яковлевича [Яковлева], чтобы сместить его с должности. И мы на тех встречах говорили о деятельности Ивана Яковлевича, о Н.И. Ильминском, о тяжелой доле чувашей, о том, как облегчить жизнь соплеменников, и всегда пели чувашские песни.

Больше всех и лучше всех исполнял чувашские песни П.В. Он их любил так, что собрал множество чувашских песен, выпустил их отдельной книгой: “Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть. Издание П.В. Пазухина”. Петр Васильевич предпринял попытку аранжировки чувашских песен в четыре голоса, но этому помешала нагрянувшая война.

П.В. был очень живым, проницательным человеком. Он не боялся инспекторов, русских священников, прямо высказывал им о нуждах чувашей, если даже инспектор ненавидел обучение на чувашском языке, П.В. уроки вел на родном языке. Немало было тех, кто ненавидел Петра Васильевича, поэтому его из хорошей школы перевели в плохую.

Последний раз я Петра Васильевича видел прошлой осенью в Симбирске. Тогда я ему показал свою рукопись, написанную для чувашских школ. Эта работа весьма приглянулась Петру Васильевичу. Он сразу же сказал: “Опубликуй эту книгу!” – и вручил мне около 25 рублей своих денег, которые были при нем.

Нынешние свободы П.В. не суждено увидеть. А он так мечтал о них. П.В. постоянно размышлял о чувашском обществе, о созыве чувашских съездов, о чувашской газете, об издании чувашских книг. Он никогда не сомневался в том, что если будут открыты для чувашей школы повышенного типа – гимназии, реальные училища, учительские семинарии, сельскохозяйственные школы, то чувашаи непременно пошли бы вперед. Это все теперь осуществится, но П.В. не довелось стать счастливым свидетелем преобразований, он погиб далеко от чувашского народа – на карпатских горах, отдал душу за всю Россию.

Да пусть Господь даст успокоение душе твоей, Петр Васильевич, ты в своей короткой жизни изо всех сил трудился за чувашский народ и покинул ты этот мир, оставив добрый след.

Тебя и чувашский народ не забудет за то, что ты усердно пекся за него. Он вечно будет помнить тебя, ставя в один ряд со своими лучшими людьми. Т.Х.» [16. С. 2].

«Т.Х.», вне всякого сомнения, Федор Тимофеевич Тимофеев – известный чувашский педагог и языковед, одноклассник и друг Петра Васильевича, в 1915–1918 гг. работавший учителем в с. Абызово Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Вурнарский муниципальный округ Чувашии). Он не сообщал, откуда узнал о смерти Пазухина. Скорее всего, от симбирских или казанских чувашских деятелей, возможно, от Н.В. Никольского.

Сестра П.В. Пазухина Мария Васильевна по прошествии времени вспомнила и спела журналисту П. Печникову прощальную песню брата, перед уходом на армейскую службу: «*Атте лаши, тур лаша, / Мёншён пусна ы(в)тан-ши? / Аякри сула сывӑх тӑвасшӑн. / Атте-анне, ма татӑлса йӑретӑр, / Нихсан килмӑ тетӑр-им? / Атте, ан йӑр, анне, ан йӑр, / Эпӑ калла таврӑнӑп... = Отцовская лошадь, гнедая лошадь, / Отчего голову вскидываешь? / Дальнюю дорогу близкой хочешь сделать. / Батюшка с матушкой, отчего навзрыд плачете? / [Сын] никогда не вернется, думаете, что ли? / Батюшка, не плачь, матушка, не плачь, / Я обратно вернусь...*» [9. С. 42]. Не суждено было вернуться с поля боя...

Скажем вкратце о сборнике П.В. Пазухина «Образцы мотивов...». Эта книга – продолжение сборника под таким же названием, изданного инспектором СЧУШ И.Я. Яковлевым [11]. В предисловии к своему сборнику Петр Васильевич пишет: «Года четыре тому назад в Симбирске впервые появился сборник мотивов народных чувашских песен. Познакомившись с этим сборником, я заметил, что туда не вошли песни чуваш, которые живут в более глухих уголках Симбирской и Казанской губерний и у которых сохранились мотивы песен более старинного характера. Я сам, будучи из тех мест, еще в детстве замечал между многими мелодиями такие, которые производили на меня особенно глубокое впечатление. По окончании Симбирской чувашской учительской школы я задумал пополнить первый сборник более старинными и новыми мотивами и, главным образом, из тех мест, куда еще не могли проникнуть собиратели мотивов народных песен первого сборника» [10. С. 2].

Действительно, в предисловии И.Я. Яковлев отмечает, что в этом впервые появляющемся сборнике семь отделов, в которых 91 мотив, записанный в Симбирской губернии: в селениях Буинского уезда – Альшееве, Ракове, Чувашских Кищаках, Старых Мертлях, Кошки-Новотимбаево, Черепанове, Больших Арабузях и Белой Воложке; в Симбирском уезде – в Кайсарове и Богдашкине; в Казанской губернии – в с. Сиктерме Спасского уезда; в Саратовской губернии – в с. Белая Гора Петровского уезда. Тексты песен записаны в этих же селениях

[11. С. 2]. В сборник включены: песни хороводные, песни в осенние и святочные девичьи праздники, песни праздничные, свадебные, рекрутские, плач невесты и такмаки (шутки). Как видим, все перечисленные населенные пункты входят в этнографическую группу низовых чувашей.

П.В. Пазухин не дает восторженную оценку сборнику И.Я. Яковлева, он как бы даже критически оценивает издание – «туда не вошли песни... у которых сохранились мотивы старинного характера». На автора новой книги произвели «особенно глубокое впечатление» не песни, вошедшие в сборник Ивана Яковлевича, а «замеченные» им «в глухих уголках» образцы. С яковлевским сборником П.В. Пазухин познакомился еще в СЧУШ, который окончил в 1909 г. Он пишет: «Живя учителем раньше в Ядринском, теперь в Козьмодемьянском уездах, а по вакатам (в период отпусков. – А.Л.) в самом отдаленном углу Буинского уезда, я прислушивался к пению тамошних чуваш и старался заносить их песни в свой сборник. Собранные мотивы и тексты к ним в достаточном количестве дали мне возможность издать их в отдельной брошюре, но всякий любезный читатель может представить ее как продолжение первого сборника» [10. С. 2]. Составитель ни словом не делится с читателем, обращался ли он к Ивану Яковлевичу за советом, просил ли его разрешения давать сборнику то же название. Возможно, и обращался, так как в своих воспоминаниях инспектор СЧУШ не упоминает П.В. Пазухина наряду с тремя другими Пазухиными – секретарем канцелярии Министерства внутренних дел России, симбирским дворянином и симбирским же помещиком, значит, не было повода держать обиду за «плагиатство» в названии сборника. Петр Васильевич сам всегда с уважением относился к учителю, о чем свидетельствуют его слова и в письмах к Н.В. Никольскому.

В сборник П.В. Пазухина вошли песни чуваш Буинского, Симбирского, Сенгилеевского, Ядринского, Козьмодемьянского, Цивильского, Тетюшского, Чебоксарского и Белебеевского уездов, то есть были охвачены все этнографические группы чувашей: средненизовые, верховые, низовые и этнотерриториальные. Хороводных песен 23 мотива, игровых – 3, праздничных 37, песен на масленице – 16, такмаков (частушек) – 1, свадебных – 10, рекрутских – 8. Всего 98 разных мотивов и около 650 куплетов.

Сборник П.В. Пазухина из чувашских исследователей впервые подверг анализу один из основоположников профессиональной чувашской музыки Ф.П. Павлов: «В момент составления своего сборника П.В. Пазухин – сельский учитель, один из одиночек собирателей чувашских народных песен в дореволюционное время. Он – ученик симбирской школы, продолжатель дела И.Я. Яковлева в отношении собирания песен. Работа его имеет тот же отпечаток, те же достоинства и недостатки, что и первый, симбирский, сборник. Здесь – та же цифирная система, те же отделы в расположении материала, даже тот же формат и такое же название сборника... Относительно точности записей мотивов следует отметить, что составителем сборника эта сторона дела выполнена в общем и целом удовлетворительно. Большинство мотивов не оставляет сомнения в правильности передачи их. Во всяком случае, П.В. Пазухин старался возможно точно зафиксировать каждый мотив. Это видно из того, что он ввел в употребление цифирные форшлагги, а также отмечал и способ исполнения: “оживленно”, “медленно” и др. Несмотря на это, в записях П.В. Пазухина обнаруживаются некоторые неточности в передаче отдельных мелодических рулад, фигур и проч., как это установил С.М. Максимов.

Особенно значительными эти неточности считать нельзя, поэтому они не могут умалить значения сборника в целом. Кстати, нужно заметить, что название сборника: “Образцы мотивов...” – также, как и такое же название сборника И.Я. Яковлева, – верно лишь относительно. Нельзя утверждать, что все мотивы, помещенные в сборнике, являются “образцами” чувашских мотивов, “типичными” для чувашского народного музыкального творчества» [12. С. 44–45].

Несколько текстов из сборника П.В. Пазухина включил в свой историко-этнографический очерк «Чуваши Казанского Заволжья» (второе, пересмотренное и дополненное, издание), впервые опубликованный в 2023 г., Г.И. Комиссаров [3]. Исследователь отметил: «Есть у чуваш такие *песни, известные по именам их сочинителей*. В рукописном сборнике чувашских песен учителя-чувашина П.В. Пазухина, подготовленном к изданию, имеются, например, песни: 1) круглого сироты; 2) старика-горемыки; 3) одинокого Пяртты; 4) чувашина-землемера; 5) Гаврилы Карсуна. Подобные «именные» песни имеются, конечно, повсеместно среди чуваш, но они еще не опубликованы. Познакомимся с текстами некоторых из записанных Пазухиным песен». Всего 4 песни с переводом на русский язык [3. С. 227–228]. Музыковед Ю.А. Илюхин пишет, что песни, собранные П.В. Пазухиным, использовались Ф.П. Павловым, С.М. Максимовым, Г.В. Воробьевым, А.Г. Орловым-Шузьмом, В.А. Ходяшевым, Ф.С. Васильевым, А.В. Асламасом, И.Я. Пустыльником и другими композиторами [2. С. 361].

Отсутствие серьезного внимания к жизни и деятельности П.В. Пазухина со стороны исследователей, на наш взгляд, можно объяснить так. Он музыкальный фольклорист. Музыку, т.е. своеобразие мотивов, анализируют профессиональные музыковеды. Изучение текстов песен – метрики, композиционных и синтаксических особенностей, поэтических символов и тропов – это удел текстологов-фольклористов. Вот и оказался П.В. Пазухин на «меже», как бы «чужой среди своих, свой среди чужих».

Прав известный фольклорист Г. Юмарт: «Его сборник обессмертил его имя. Переиздание под одной обложкой двух сборников стало бы для читателей поистине дорогим подарком, так как они считаются нестареющими памятниками устного народного творчества» [19. С. 13]. Под «двумя сборниками» автор имеет в виду книги под одним названием – яковлевский и пазухинский. Такая идея была поддержана и участниками «круглого стола», состоявшегося 16 апреля 2024 г. в Чувашской национальной библиотеке.

Выводы. Большинство печатных материалов о П.В. Пазухине носят поверхностный характер и в них ясно выражены идеологические стереотипы советского периода. В данной статье впервые предпринята попытка объективного и беспристрастного исследования жизни и деятельности одного из первых чувашских музыкальных фольклористов, педагога, офицера и патриота, чему способствовали впервые введенные в научный оборот материалы из НА ЧГИГН.

Анализ ранее опубликованных статей и новых документов показывает, что П.В. Пазухин не являлся представителем революционной чувашской интеллигенции, а был сторонником прогрессивных преобразований, приверженцем идей чувашских просветителей И.Я. Яковлева, Н.В. Никольского, Д.Ф. Филимонова и других. В годы Первой мировой войны он показал себя истинным патриотом России, вплоть до гибели на фронте верил в победу Российской армии.

К сожалению, на фоне публикаций, посвященных жизнеописанию П.В. Пазухина, в полном забвении осталась обессмертившая его работа – изданный им

на свои средства сборник «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть» как продолжение одноименной книги, выпущенной И.Я. Яковлевым. На наш взгляд, необходимо издать под одной обложкой названные сборники. Данную идею поддержали коллеги – музыковеды и фольклористы. Эта книга, вне всякого сомнения, стала бы подспорьем для многочисленных чувашских фольклорных коллективов и исследователей устного народного творчества.

Литература

1. *Иванов-Ехвет А.* Музы ищут приют. К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 351 с.
2. *Илюхин Ю.А.* Пазухин Петр Васильевич // Чувашская энциклопедия: в 4-х т. Т. 3. М–С. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 361.
3. *Комиссаров (Вантер) Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // *Комиссаров (Вантер) Г.И.* Сыр-нисен пуххи = Собрание сочинений. Т. I / сост. А.П. Леонтьев и В.В. Комиссаров. Чебоксары: Типография 7, 2023. С. 128–280.
4. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 166.
5. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256.
6. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265.
7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 279.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 287.
9. НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 2356.
10. Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. II часть / сост. П.В. Пазухин. Симбирск: Тип. Сидневой и К°. 1908. 110 с.
11. Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним / предисл. И.Я. Яковлева. Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1908. 116 с.
12. *Павлов Ф.* Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. Чебоксары: Общество изучения местного края, 1926. 69 с.
13. *Пахомов Иван.* Петр Пазухин – Кёстенттин Иванов тусё = Петр Пазухин – друг Константина Иванова // Хыпар. 2003. 22 июля.
14. *Прокопьев В.* Халӑх асёнке пулӑ = Будет в памяти народной // Коммунизм ялавӑ. 1978. 17 июня.
15. *Прокопьев-Ильдер В.* Собиранель фольклора // Молодой коммунист. 1978. 10 авг.
16. *Т.Х.* Петр Васильевич Пазухин // Хыпар. 1917. № 41, 9 окт.
17. Чӑваш фольклорӑ = Чувашский фольклор / И. Тукташ пухса йӑркеленӑ = сост. И. Тукташ. Шупашкар: Чӑвашсен гос-во изд-ви, 1949. 327 с.
18. Чувашский календарь на 1958 год. Чебоксары, 1957.
19. *Юмарт Геннадий.* П.В. Пазухин кёнеки = Книга П.В. Пазухина // Чӑваш Ен. 1993. № 33. 14–21 авг.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (alexey.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Alexey P. LEONTIEV

PETER PAZUKHIN: TEACHER, FOLKLORIST, OFFICER, PATRIOT

Key words: Peter Vasilyevich Pazukhin, teacher, collector of texts of Chuvash oral folk art, the Tsar's army, Nikolai Vasilyevich Nikolsky, correspondence.

The relevance of the study is due to the fact that in April 2024, 135 years passed since the birth of the teacher, collector of folklore, compiler of one of the first collections of Chuvash folk songs, officer of the Tsarist army P.V. Pazukhin. His life and work during the Soviet period are covered in many publications, but in some of them there are many obvious mistakes, myths (or legends) in favor of ideological leanings. There were no objective studies in the post-Soviet period.

The purpose of the study is to trace some stages in life path made by P.V. Pazukhin based on reliable documents.

Materials and methods. The research was based on materials published in various publications about P.V. Pazukhin, as well as newly identified documents stored in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. The principles of historicism, objectivity and consistency were used, as well as research methods: factual, descriptive, analytical, problem-chronological ones.

Study results. Among the works about P.V. Pazukhin articles by journalists and freelance correspondents of Chuvash periodicals dominate, they often freely interpret some facts, and among professionals, we can note only a small fragment from the review material by musicologist and composer F.P. Pavlov about P.V. Pazukhin's collection (1926) and a newspaper article by a famous Chuvash folklorist G. Yumart for the next anniversary date, who highly appreciate the work of the musical folklorist. Our article does not consider the lyrics of the songs, as this is the lot of folklorists. We identified inaccuracies and obvious errors in covering P.V. Pazukhin's biography. Thus, it is proved that Pyotr Vasilyevich was a staunch supporter of progressive transformations in the life of his native people, but never engaged in revolutionary activities. He was not a front-line soldier during the entire period of service in the army, as some authors write, but he trained recruits in the rear, in addition, he studied at the school of warrant officers, only at the end of spring 1917 he voluntarily left "for positions", as the front was then called. In addition, during 1914–1917 he was on vacation more than once, in particular, he lived in Simbirsk and, accordingly, visited relatives in the village of Polevoye Chekurovo in Buinsky uyezd of Simbirsk governorate.

Conclusions. Most of published materials about P.V. Pazukhin are subjective in nature with clearly expressed ideological stamps of the Soviet period. That is why, this article attempts to carry out an objective study of the life and work of a teacher, one of the first Chuvash musical folklorists, an officer of the Tsarist army. For the first time, materials from the Manuscript Collection of Professor N.V. Nikolsky and other funds of the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities were introduced into scientific circulation.

References

1. Ivanov-Yekhvet A. *Muzyki priglasayut. K istorii dorevolyutsionnykh russko-chuvashskikh kul'turnykh vzaimosvyazey. Muzyka. Teatr* [Muses are looking for shelter. On the history of pre-revolutionary Russian-Chuvash cultural relations. Music. Theater]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1987, 351 p.
2. Ilyukhin Yu. A. *Pazukhin Petr Vasil'yevich* [Pazukhin Petr Vasilievich]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash Encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, vol. 3, p. 361.
3. Komissarov (Vanter) G.I. *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya* [Chuvash of the Kazan Trans-Volga region]. In: Leont'yev A.P., Komissarov V.V., comps., Komissarov (Vanter) G.I. *Sobraniye sochineniy. T. I* [Collected works. Vol. 1]. Cheboksary, 2023, pp. 128–280.
4. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 166* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 166].
5. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 256* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 256].
6. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 265* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 265].
7. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 279* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 279].
8. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Yedinita khraneniya 287* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 287].
9. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel V. Yedinita khraneniya 2356* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department V. Storage unit 2356].
10. Pazukhin P.V., comp. *Obraztsy motivov chuvashskikh narodnykh pesen i tekstov k nim. II chast'* [Samples of motives of Chuvash folk songs and texts for them. Part 2]. Simbirsk, 1908, 110 p.
11. *Obraztsy motivov chuvashskikh narodnykh pesen i tekstov k nim. Predisloviye I. Ya. Yakovleva* [Samples of motives of Chuvash folk songs and texts for them. Preface by I.Ya. Yakovlev]. Simbirsk, 1908, 116 p.
12. Pavlov F. *Chuvashi i ikh pesennoye i muzykal'noye tvorchestvo. Muzykal'no-etnograficheskiye ocherki* [Chuvash and their song and musical creativity. Musical and ethnographic essays]. Cheboksary, 1926, 69 p.

-
13. Pakhomov Ivan. *Petr Pazukhin – drug Konstantina Ivanova* [Pyotr Pazukhin is a friend of Konstantin Ivanov]. *Khypar*, 2003, July 22.
 14. Prokop'yev V. *Budet v pamyati narodnoy* [Will be in people's memory]. *Communism of Yalave*, 1978, June 17.
 15. Prokop'yev-Ilder V. *Sobiratel' fol'klora* [Collector of folklore]. *Molodoy Communist*, 1978, Aug. 10.
 16. T.Kh. *Petr Vasil'yevich Pazukhin* [Petr Vasilievich Pazukhin]. *Khypar*, 1917, no. 41, Oct. 9.
 17. Tuktash I., comp. *Chuvashskiy fol'klor* [Chuvash folklore]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1949, 327 p.
 18. *Chuvashskiy kalendar' na 1958 god* [Chuvash calendar for 1958]. Cheboksary, 1957.
 19. Yumart Gennadiy. *Kniga P.V. Pazukhina* [Book by P.V. Pazukhina]. *Chavash En*, 1993, no. 33, Aug. 14–21.

ALEXEY P. LEONTIEV – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary (alexey.leontjew2014@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>).

Формат цитирования: Леонтьев А.П. Петр Пазухин: педагог, фольклорист, офицер, патриот // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 82–95. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-82-95.